

СВОБОДА СЛОВА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Харсиева Луиза Руслановна

Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0003-2169-3654, e-mail: kharsievaaa@gmail.com.

Свобода слова, закрепленная на международном уровне – универсальном и региональном, остается самым важным и необходимым аспектом функционирования гражданского общества и построения правового государства. На внутригосударственном уровне реализация и защита этой свободы сталкиваются с серьезными ограничениями. Автор, опираясь на практику Европейского Суда по правам человека, раскрывает отдельные элементы свободы слова и допустимые ограничения этой свободы, в том числе в контексте прав других лиц, интересов общества и государства.

Ключевые слова: международное право, свобода слова, права человека, ограничения

Для цитирования: Харсиева Л. Р. Свобода слова в международно-правовом измерении // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 77–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_77.

FREEDOM OF SPEECH IN THE INTERNATIONAL LEGAL DIMENSION

Kharsieva Luiza

Master student, Ural State Law University (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-2169-3654,
e-mail: kharsievaaa@gmail.com.

Freedom of speech, enshrined at the international level – universal and regional, remains the most important and necessary aspect of the functioning of civil society and the building of the rule of law. At the domestic level, the exercise and protection of this freedom face serious restrictions. The author, relying on the practice of the European Court of Human Rights, reveals certain elements of freedom of speech and admissible restrictions on this freedom, including those that are admissible in the context of the rights of other people, the interests of society and the state.

Key words: international law, freedom of speech, human rights, restrictions

*For citation: Kharsieva L. (2021) Freedom of speech in the international legal dimension. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 77–84, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_77.*

Свобода слова является гуманитарной основой международного права и глобально-го социоустройства. Впервые она была закреплена на универсальном международном уровне в ст. 19 Всеобщей декларации о правах человека 1948 г., а в дальнейшем – уже нормативно – в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП).

Свобода слова объективно связана с независимостью СМИ, плюрализмом мнений, правом на информацию – всем тем, что создает фундамент для функционирования гражданского общества и правового государства. При этом ст. 19 МПГПП устанавливает, что свобода «искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи» не имеет каких-либо ограничений и, следовательно, «налагает особые обязанности и особую ответственность». Право на свободное выражение своего мнения может быть «сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть

установлены и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».

Свобода слова – сложносоставное и многокомпонентное правовое и социальное явление, в ядре которого – субъективное право, определяющее меру и пределы возможного поведения, право, которым наделяется каждая личность. Распространение информации и идей является самым очевидным компонентом свободы слова. Комитет ООН по правам человека в Замечаниях общего порядка № 34 подчеркнул, что «пункт 2 [статьи 19] защищает все формы выражения и способы распространения мнений. К таким формам относятся устная и письменная речь, язык жестов, а также такие средства невербальной коммуникации, как изображения и предметы искусства. К способам выражения относятся книги, газеты, брошюры, афиши, баннеры, форма одежды и материалы, не запрещенные законом. К ним относятся все виды аудиовизуальных, электронных и основанных на интернет-технологиях средств выражения»¹.

Отличительной особенностью свободы слова является то, что она предполагает не только так называемые негативные, но и позитивные обязательства государств. Иными словами, государство обязано не просто воздерживаться от вмешательства в осуществление свободы слова, но и принимать активные меры для устранения препятствий на пути реализации этой свободы. Данное положение закреплено в ст. 2 МПГПП, согласно которой все государства-участники обязуются «уважать и обеспечивать всем лицам... права, признаваемые в этом Пакте».

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ) гласит, что из свободы слова возникает право общества «знать» и обязанность государства воздерживаться от принятия мер, ограничивающих такое знание. Статья 10 ЕКПЧ гарантирует каждому право свободно выражать свое мнение. Кроме определенных видов информации, идей или способов выражения мнения, положения ст. 10 ЕКПЧ распространяют свое действие на художественную или артистическую сторону выражения мнения, информацию коммерческого характера. Статья 10 ЕКПЧ защищает не только содержание информации или идей, но и форму их выражения. Данная статья применяется в отношении средств производства, передачи и распространения информации и идей.

В п. 1 ст. 10 ЕКПЧ перечислены свобода придерживаться своего мнения, свобода получать информацию и идеи, свобода распространять информацию и идеи. Стоит отметить, что свобода придерживаться своего мнения образует первичное условие для других свобод и ее защита носит абсолютный характер. По мнению Комитета министров Совета Европы, «любые ограничения, налагаемые на данное право, несовместимы с природой демократического общества»².

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) в постановлении по делу «Хендисайд против Великобритании» пришел к выводу, что свобода выражения взглядов составляет основу демократического общества, поскольку подразумевает свободу выражения не только тех мыслей, которые хотят услышать, но и тех, которые способны вызвать общественный резонанс. Также Судом был сформулирован подход, в соответствии с которым всякое ограничение свободы, допускаемое ЕКПЧ и устанавливаемое «на усмотрение государства», должно быть пропорциональным преследуемой цели. По мнению ЕСПЧ, именно он на основе различных данных, имеющих в его распоряжении, должен решать, являются ли причины, приведенные национальными властями для оправдания принимаемых ими фактических мер вмешательства в реализацию свободы, релевантными и достаточными в соответствии со ст. 10 ЕКПЧ³.

¹ Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения (п. 12). URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGb%2bWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK3xDIZpJtsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OqU0tVD> (дата обращения: 18.05.2021).

² Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2008 г. по делу «Леруа против Франции». URL: <https://base.garant.ru/12167519/> (дата обращения: 18.05.2021).

³ Постановление ЕСПЧ от 7 декабря 1976 г. по делу «Хендисайд против Великобритании». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499> (дата обращения: 18.05.2021).

ЕСПЧ посчитал, что «реализация свободы распространения информации в полном объеме предполагает возможность свободной критики правительства, что является основным показателем свободного и демократического государства»¹. Например, в деле «Лингенс против Австрии» (журналист позволил себе резкие оценки действий канцлера республики и был осужден национальным судом за диффамацию) Суд встал на сторону журналиста и указал: «Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* „для защиты репутации других лиц“, тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим политический интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их». Кроме того, Судом была высказана позиция по поводу способа подачи материала: «Журналистам должна быть дозволена определенная степень преувеличения или даже провокационности»².

В сентябре 2019 г. ЕСПЧ были рассмотрены жалобы граждан Португалии Антунеса Эмидио и Гомеса да Круза, осужденных за клевету в отношении политиков. В марте 2011 г. Антунес Эмидио, являвшийся на тот момент журналистом, опубликовал в еженедельнике «O Mirante» статью под заголовком «Остались только цыплята», в которой раскритиковал деятельность португальских политиков, в частности государственного секретаря по сельскому хозяйству. Гомес да Круз, врач и управляющий партнер клиники, опубликовал в местной газете открытое письмо в сентябре 2009 г., после того, как его клиника не была приглашена для участия в переговорах с городским советом по созданию совета службы здравоохранения. В письме речь шла, в том числе, о предполагаемом отсутствии у мэра города характера, честности и о его трусости. Кроме того, данная информация распространялась заявителем на листовках.

Суд указал, что мнение, приведенное в статье Антунеса Эмидио, – это лишь оценочное суждение, которое не может быть предметом доказывания. Употребленное журналистом слово «идиотский» не является личным обращением в адрес высокопоставленного чиновника; кроме того, «так называемая свобода подразумевает некоторую допустимую степень преувеличений или провокационных замечаний».

Учитывая интересы демократического общества и обеспечения свободы слова, Суд признал действия властей Португалии в отношении Антунеса Эмидио неразумными и непропорциональными³.

Что касается Гомеса да Круза, ЕСПЧ установил, что его открытое письмо и листовки были написаны, отпечатаны и распространялись исключительно в контексте дебатов между мэром города и городским советом по вопросу деятельности муниципальной службы здравоохранения. Однако, с точки зрения властей Португалии, личная заинтересованность мэров значительно преобладает над правом на свободу выражения мнения. Указывая на ошибочность приведенной позиции, Суд уточнил, что речь идет о ценности мнения, а не о фактическом утверждении. Вывод ЕСПЧ основывался на том, что национальные суды превысили предоставленную им свободу усмотрения в отношении ограничения обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес, и кроме того, не было установлено разумное соотношение между ограничением права заявителя на свободу выражения мнения и преследуемой при этом законной целью⁴.

Общие принципы реализации свободы выражения мнения были сформулированы в постановлении ЕСПЧ по делу «„Обсервер“ и „Гардиан“ против Соединенного Королевства». Суд указал, что «защита интересов национальной безопасности не являлась более „релевантной причиной“ для сохранения ограничений, касающихся свободы распространения информации заявителями, ибо она стала доступна из других источников. Свобода выражения своего мнения составляет одну из главных

¹ Нудненко Л. А. Решения Европейского суда по проблемам реализации свободы слова // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 46–49.

² Постановление ЕСПЧ от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии». URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461413/2461413.htm> (дата обращения: 18.05.2021).

³ Постановление ЕСПЧ от 24 сентября 2019 г. по делу «Антунес Эмидио и Соареш Гомес да Круз против Португалии». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-195982> (дата обращения: 18.05.2021).

⁴ Там же.

основ демократического общества... Эти принципы особенно важны в отношении прессы...»¹.

В соответствии с Резолюцией 428 (1970) Парламентской ассамблеи Совета Европы право на свободу выражения мнения включает в себя право искать, получать, передавать, публиковать или распространять информацию, представляющую общественный интерес. Также одной из обязанностей прессы является распространение общей и полной информации, касающейся общественно значимых вопросов².

В 2018 г. ЕСПЧ рассматривалось дело «Савва Терентьев против Российской Федерации», где заявитель утверждал, что вынесенный в отношении него приговор нарушил его право на свободу выражения мнения, гарантированное ст. 10 ЕКПЧ. В 2007 г. заявителем в сети Интернет был опубликован комментарий, характеризующий сотрудников милиции: «...было бы хорошо, если б в центре каждого города России, на главной площади... стояла печь, как в Освенциме, где церемониально, ежедневно, а лучше – дважды в сутки (в полдень и в полночь, например) – сжигали бы по неверному менту. Народ чтоб сжигал. Это был бы первый шаг к очищению общества от ментовско-гопотской грязи...». Суд указал, что «в настоящем деле ключевым является вопрос о том, знал ли заявитель или должен ли он был знать, приняв решение опубликовать спорный комментарий, при необходимости обратившись к консультации квалифицированного юриста, что он мог быть привлечен за это к уголовной ответственности» в соответствии с Уголовным кодексом РФ³.

Суд в поддержку своей позиции привел выдержки из доклада Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу убеждений и их свободное выражение Франка Ла Рю. По мнению последнего, при определении того, является ли то или иное выражение подстрекательством к ненависти, существенное значение имеют следующие элементы: «реальная и непосредственная опасность насилия в результате выступления; намерения выступающего в плане подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию и тщательное рассмотрение судебно-правовых аспектов того контекста, в котором была выражена ненависть, с учетом того, что международное право запрещает некоторые формы выступления из-за их последствий, а не из-за их содержания как такового, поскольку некие аспекты, являющиеся глубоко оскорбительными в одном сообществе, могут не быть таковыми в другом... Кроме того, хотя государства обязаны принимать меры для того, чтобы всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, было запрещено законом в соответствии с пунктом 1 статьи 20 Пакта [МПГПП], не существует никаких требований к уголовной ответственности за такое выступление... преследоваться по уголовному праву должны только серьезные и экстремальные случаи подстрекательства к ненависти...»⁴

В ходе рассмотрения жалобы Судом было принято во внимание то, что комментарий заявителя был предназначен для ограниченного круга людей, а национальные суды, в свою очередь, не исследовали вопрос, касающийся количества лиц, просмотревших этот комментарий, поскольку преследовали цель привлечения к уголовной ответственности. Суд указал, что «наложение наказания в виде лишения свободы за правонарушение в области дискуссий по вопросам, представляющим законный общественный интерес, отвечает требованиям защиты свободы выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции, лишь в исключительных обстоятельствах». В целом российские суды не представили достаточных обоснований ограничения права на свободу выражения мнения, его уголовное осуждение «не отвечало „на-

¹ Постановление ЕСПЧ от 26 ноября 1991 г. по делу «„Обсервер“ и „Гардиан“ против Соединенного Королевства». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-57705> (дата обращения: 18.05.2021).

² Council Regulation (EC) No. 428/2009 of 5 May 2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual-use items. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32009R0428> (дата обращения: 18.10.2021).

³ Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г. по делу «Савва Терентьев против Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=560909#CkJ7DpSMDfZQDsl4> (дата обращения: 18.10.2021).

⁴ Там же.

стоятельной общественной необходимости» и было несоразмерно преследуемой правомерной цели».

Другим примером, иллюстрирующим вмешательство государства в осуществление свободы выражения мнения, является дело «Толмачев против России». Так, в отношении журналиста (заявителя) были вынесены судебные решения по делу о клевете после публикации в местной газете статей, касающихся двух судей районного суда Ростова-на-Дону. Будучи журналистом-расследователем, он в целях разоблачения злоупотреблений и эксцессов со стороны судебной власти опубликовал ряд материалов, в которых выражалась критика в адрес некоторых судей Ростовской области. В своей жалобе заявитель ссылался на непропорциональное вмешательство в его право на свободу выражения мнения, гарантированное ст. 10 ЕКПЧ.

В постановлении по делу ЕСПЧ указал, что, «принимая во внимание тот факт, что судьи являются частью основополагающего института Государства, они могут как таковые подвергаться личной критике в допустимых пределах... Действуя в своем официальном качестве, они, таким образом, могут подвергаться приемлемой критике в более широких рамках, чем обычные граждане». Касательно необходимости обеспечения баланса между правом судей на репутацию и журналистской свободой выражения мнения ЕСПЧ отметил, что «внутригосударственные суды просто заявили, что оспариваемые заявления запятнали честь, достоинство и деловую репутацию, не приведя никаких оснований в подтверждение этого вывода... Как представляется, их аргументация основана на молчаливом предположении о том, что при любых обстоятельствах интересы, связанные с защитой чести и достоинства других лиц (в частности, лиц, наделенных государственной властью), преобладают над свободой выражения мнения. Не сопоставив два конкурирующих интереса друг с другом, внутригосударственные суды не смогли обеспечить необходимый баланс»¹.

Стоит сказать, что журналистские источники информации подпадают под охрану ст. 10 ЕКПЧ и являются объектом защиты. В деле «Гудвин против Соединенного Королевства» ЕСПЧ указал, что «защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати»².

Пункт 1 ст. 10 ЕКПЧ закрепляет, что свобода получать и распространять информацию и идеи «не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий». В то же время, по мнению ЕСПЧ, право национальных властей регулировать систему лицензирования не может применяться к иным, не связанным с техническими, вопросам, а также не должно препятствовать свободе выражения мнения. «Каждый, кто пользуется правом выражения мнения, принимает на себя обязанности и ответственность, область действия которых зависит от ситуации и используемого технического средства»³.

В некоторых случаях государства в лице их органов обладают правом на «усечение» свободы выражения мнения. Однако при этом должны быть соблюдены следующие условия: вмешательство предусмотрено законом; вмешательство направлено на защиту интересов и ценностей; вмешательство необходимо в демократическом обществе (п. 2 ст. 10 ЕКПЧ).

В практике ЕСПЧ было немало дел, касающихся отрицания Холокоста, выраженно-го в средствах массовой информации (например, в книге, телевизионной программе и комедийном скетче). Холокост, являющийся одной из величайших трагедий в истории человечества, квалифицируется как «четко установленный исторический факт». Позиция ЕСПЧ по данному вопросу сводится к тому, что любые высказывания, ставящие под сомнение или оспаривающие какие-либо аспекты Холокоста, расцениваются в качестве не только клеветнических, но также расистских и антисемитских, что, в свою очередь, противоречит стандартам и духу ЕКПЧ.

В пример можно привести дело «Пастерс против Германии». Член парламента Удо Пастерс выступил в парламенте с речью, в которой заявил, что «так называемый

¹ Постановление ЕСПЧ от 2 июня 2020 г. по делу «Толмачев против России». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/human-rights?item=60909188> (дата обращения: 18.10.2021).

² Постановление ЕСПЧ от 27 марта 1996 г. по делу «Гудвин против Соединенного Королевства». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57974> (дата обращения: 18.05.2021).

³ Постановление ЕСПЧ от 26 ноября 1991 г. по делу «„Обсервер“ и „Гардиан“ против Соединенного Королевства».

Холокост используется в политических и коммерческих целях». Он также сослался на «шквал критики и пропагандистской лжи» и «освенцимские проекции». В 2012 г. Пастерс был осужден за нарушение памяти погибших и преднамеренную клевету в отношении еврейского народа. Изучив речь в полном объеме, ЕСПЧ установил факт использования терминов, которые равнялись отрицанию систематического, расово мотивированного массового уничтожения евреев, осуществленного в Освенциме во время Третьего рейха.

Судом был поставлен вопрос о том, были ли направлены рассматриваемые заявления на разжигание ненависти и насилия. Обращаясь к вопросу об ограничении свободы выражения мнения, ЕСПЧ резюмировал, что, во-первых, вмешательство было предусмотрено Уголовным кодексом Германии; во-вторых, данное вмешательство преследовало законную цель – защита репутации и прав других лиц; кроме того, оно являлось необходимым в демократическом обществе. ЕСПЧ единогласно пришел к выводу о необоснованности и неприемлемости жалобы. В подтверждение этой позиции Суд отметил, что высказывания заявителя представляют собой «квалифицированное отрицание Холокоста», явно демонстрирующее «его презрение к жертвам Холокоста». Кроме того, Удо Пастерс преследовал цель использовать свои права, предусмотренные ст. 10 ЕКПЧ, для «продвижения идей, противоречащих тексту и духу Конвенции, заранее спланировал свою речь и сознательно выбирал слова». Суд указал, что хотя вмешательство в реализацию свободы выражения мнения требует самого пристального внимания, когда касается заявлений, сделанных членами парламента, эти заявления не заслуживают никакой защиты, если противоречат демократическим ценностям системы ЕКПЧ¹.

В прецедентном праве ЕСПЧ подчеркивается особая значимость свободы выражения мнения для членов парламента. «Государства имеют очень ограниченные возможности для регулирования содержания парламентских выступлений, учитывая общепризнанное правило парламентской неприкосновенности... При определении того, защищены ли заявления в соответствии со Статьей 10, решающим моментом для Суда является ответ на вопрос, направлены ли эти заявления против основополагающих ценностей Конвенции, как в случае с отрицанием Холокоста»².

Довольно часто свобода выражения мнения вступает в конфликт с требованиями нравственности, как они понимаются на национальном уровне. В этом случае ЕСПЧ предоставляет национальным властям широкие рамки усмотрения. В качестве примера можно привести дело «Мюллер и другие против Швейцарии»: в 1981 г. художником на выставке современного искусства были представлены созданные им три больших полотна, на которых запечатлены акты зоофилии и гомосексуализма. Суд счел возможным вмешательство государственных органов в осуществление заявителем свободы выражения в демократическом обществе исключительно в целях защиты нравственности³.

Напомним, что в силу положений МПГПП использование свободы может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, такими как уважение прав и репутации других лиц; охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Таким образом, МПГПП устанавливает универсальный подход, согласно которому вмешательство государства в права и свободы должно быть регламентировано законом; налагаемое ограничение должно соответствовать закону, быть направлено на достижение или преследование законной цели, признанной таковой международным правом; ограничение должно быть необходимо для защиты или преследования этой законной цели.

В Замечании общего порядка № 34, ссылаясь на Замечание общего порядка № 22, Комитет ООН по правам человека отметил, что «понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, сле-

¹ Постановление ЕСПЧ от 3 октября 2019 г. по делу «Пастерс против Германии». URL: <https://ru.ehrac.org.uk/resources/%D0%BF%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%91%D1%80%D1%81-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения: 18.05.2021).

² Там же.

³ Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1988 г. по делу «Мюллер и другие против Швейцарии». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57487> (дата обращения: 18.05.2021).

довательно, установление ограничений... в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из единственной традиции. Любые подобные ограничения должны рассматриваться в контексте универсального характера прав человека и принципа недопущения дискриминации»¹.

Что касается интересов национальной безопасности как законного основания для ограничения свободы слова, то Комитет ООН по правам человека разработал так называемый трехчастный тест: «во-первых, вмешательство государства должно быть установлено законом; во-вторых, налагаемое согласно закону ограничение должно достигать или преследовать цель, признанную законной согласно международному праву, и, в-третьих, ограничению надлежит быть необходимым для защиты или преследования этой законной цели»². Ограничения на основании защиты национальной безопасности оправданы лишь тогда, когда существование нации, ее территориальная целостность или политическая независимость подвергаются угрозе, но не тогда, когда имеет место локальный конфликт или просто противоправная деятельность. В практике международных судов сформулированы два ключевых принципа: выражение мнения может быть вне закона, если оно намеренно наносило ущерб национальной безопасности либо существует четкая связь между выраженным мнением и вероятностью нанесения указанного ущерба³.

Комитет ООН по правам человека также указывает на необходимость доказывания тесной связи между запрещенным высказыванием и нанесенным ущербом. Часть 2 ст. 20 МПГПП требует от государств, чтобы всякое преступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, было запрещено законом. Комитет ООН по правам человека заявил, что между обязательством принять законы согласно ч. 2 ст. 20 МПГПП и правом на свободу выражения убеждений нет противоречий: по мнению Комитета, требуемые запреты полностью совместимы с установленным в ст. 19 МПГПП правом на свободное выражение убеждений, осуществление которого предполагает особые обязательства и функции⁴.

Таким образом, установленные нормативно и выработанные практикой на универсальном и региональном международно-правовом уровне стандарты и ограничения свободы слова, связанные с соображениями нравственности, интересами и ценностями, необходимостью и безопасностью, взаимосогласованы и дополняют друг друга, выстраивая столь необходимое международному праву и национальным правовым порядкам единообразное понимание прав и свобод человека.

Список литературы

Нудненко Л. А. Решения Европейского суда по проблемам реализации свободы слова // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 46–49.

Пособие по свободе слова для стран Центральной Азии. Лондон: Article 19, 2007. 238 с. URL: <https://www.article19.org/data/files/pdfs/tools/central-asian-pocketbook-ru.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

References

Nudnenko L. A. (2013) Resheniya Evropeiskogo suda po problemam realizatsii svobody slova [Decisions of the European Court on the problems of realization of freedom of speech]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 2, pp. 46–49.

Posobie po svobode slova dlya stran Tsentral'noi Azii (2007) [A Handbook on Freedom of Expression for Central Asian Countries]. London, Article 19, 238 p., available at: <https://www.article19.org/data/files/pdfs/tools/central-asian-pocketbook-ru.pdf> (accessed: 18.05.2021).

¹ Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения (п. 32).

² Пособие по свободе слова для стран Центральной Азии. Лондон: Article 19, 2007. С. 45. URL: <https://www.article19.org/data/files/pdfs/tools/central-asian-pocketbook-ru.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

³ Там же. С. 147–148.

⁴ Там же. С. 158–159.